

Денис Шварц

Завет Петра

Восточный вопрос

Денис Старый

Завет Петра 7.

Восточный вопрос

<https://litres.ru/74629832>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.

Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.

Вот только сначала нужно не дать себя добить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Денис Старый

Завет Петра 7.

Восточный вопрос

Глава 1

Стокгольм

В дверном проеме возникла могучая фигура Степана. Его лицо, обычно невозмутимое, сейчас выражало крайнюю озадаченность. Заметив взгляд своего телохранителя, командующий понял: произошло нечто, не терпящее отлагательств.

Саксонский резко перевел холодный взгляд на градоначальника.

— Господин бургомистр, благоволите выйти за дверь и хорошенько подумать над моим предложением. Ровно через две минуты я жду вас обратно с положительным ответом. И, умоляю, не забывайте: если вы заупрямитесь, я со спокойной совестью предам Стокгольм тотальному разорению. В этом случае я получу несравнимо больше, чем та жалкая, смехотворная сумма, которую я столь великодушно с вас затребовал.

Бургомистр, пребывая в полнейшей растерянности, все

же не смог до конца скрыть мелькнувшую в глазах искру отчаянной радости — ему давали шанс сохранить город. Он поклонился так низко и подобострастно, что это выглядело даже избыточно, и, пятясь, поспешно скрылся в коридоре.

— Ну, что там у тебя стряслось? — хмуро спросил Саксонский, как только дверь за шведом закрылась.

— На острове Шеппсхольмен, в адмиралтейской гавани, не все гладко выходит, господин командующий, — мрачно доложил Степан. — Шведы впали в безумие. Сами уже подожгли два своих тяжелых линейных корабля и один фрегат. Горят, аж небо красное.

Борис Августович нахмурился. Он прекрасно понимал, что прямо сейчас должен впасть в ярость — ведь, по сути, эти полоумные шведы жгут не свой, а уже его, русский трофейный флот! Но, к собственному удивлению, поймал себя на мысли, что ему абсолютно нет дела до этих полыхающих посудин.

Вместо гнева пришло пьянящее, кристально ясное осознание: Стокгольм взят. Окончательно и бесповоротно. Если шведы прямо в своей главной военно-морской базе начинают жечь собственные линейные корабли, строительство каждого из которых обходится казне в астрономическую сумму, — значит, они сломлены. Значит, они обречены и сами это понимают.

— Забирай отсюда батальон стрелков. Портовая зона уже точно за нами, здесь резервы не нужны, — решительно ско-

мандовал Борис Августович, набрасывая на плечи походный плащ. — Бегом на верфи! Иди и спасай все, что посчитаешь нужным. Назначаю тебя командиром батальона.

Степан от таких слов откровенно опешил. Он и ротой-то в жизни не командовал, а тут ему с ходу вручают целый батальон гвардии! Но, воспитанный по армейскому принципу «бьют — беги, дают — бери», отказываться не стал. Да и переубеждать командующего в том, что он, простой рубака, может не справиться с офицерской должностью, тоже не пожелал. В конце концов, стоило ему хоть однажды успешно вывести батальон в дело, и Борис Августович получит полное право представить его к серьезному чину. Хотя бы к секунд-майору.

Очаги сопротивления продолжали создавать гулкий шум на окраинах: в ночном воздухе то и дело хлопали мушкетные выстрелы, где-то вдалеке глухо ухали пушки. Все это мешало сосредоточиться русскому авантюристу, оказавшемуся сейчас на самом гребне воинской славы. И он не без оснований считал себя на данный момент самым знаменитым полководцем Европы. По крайней мере, станет им ровно в тот момент, когда новости о невероятном взятии Стокгольма по льду молниеносно облетят курьерскими почтами все европейские столицы.

В эту ночь Саксонский так и не сомкнул глаз. Он с головой утонул в тяжелых, вязких переговорах.

— Господа, вот я принял вас поодиночке: вас — от Рикс-

дага, а вас — от имени короля, — Мориц обвел тяжелым взглядом шведских делегатов, сидевших по другую сторону стола. — Может, вам стоило сначала выработать единую позицию? Которую я бы, разумеется, тут же отверг, и на этом мы бы закончили все эти бессмысленные дипломатические расшаркивания? Поймите, господа, у меня нет на вас времени. Мне еще нужно подготовить Стокгольм к приему основных русских войск.

Он усмехнулся, но улыбка вышла крайне усталой, обнажая предельное напряжение последних суток.

Действительно, ситуация была комичной: шведский парламент Риксдаг пытался требовать, а шведский король Фредрик I через своего посланника — просил. И при этом ни требования, ни слезные просьбы Борис Августович исполнять не собирался ни при каких обстоятельствах. Однако из разговоров складывалось стойкое впечатление, что король, пусть и отстраненный парламентом от реального управления государством, понимает истинное, катастрофическое состояние шведской армии куда лучше, чем любой из сидящих в Риксдаге депутатов.

— Вы блефуете, генерал. Ну вы же прекрасно понимаете, что много войск вы не сможете провести по льду, — нервно поправляя кружевное жабо, пытался сохранить лицо представитель от парламента. — Мы уже отправили конных дозорных на побережье. Они доложили, что русских полков на льду больше нет. А весна берет свое. Лед с каждым часом

будет становиться все тоньше и тоньше...

— И вы пришли сюда лишь для того, чтобы рассказать мне, как я потерплю поражение? — сардонически изогнув бровь, произнес генерал. — Вы всерьез грозите, что в город, который уже находится под моим жестким контролем, где на улицах растут завалы, а на перекрестках установлены батареи, победоносно войдет некая доблестная шведская армия? При чем армия, имеющая как минимум трехкратный численный перевес над моими силами — ибо при ином раскладе наступать на наши позиции есть чистое самоубийство. И что же, эта призрачная армия выбьет нас отсюда? Или, может, вы возьмете Стокгольм в изнурительную осаду? Спешу огорчить: все доступные продовольственные запасы уже реквизированы нами. Нам с лихвой хватит ресурсов, чтобы безбедно продержаться в Стокгольме и два, и три года. К тому же весной на Балтике будет безраздельно господствовать русский флот, который, за счет захвата ваших же кораблей, увеличил число своих вымпелов вдвое. Или вы все еще по-детски наивно верите, что англичане пришлют вам на помощь эскадру?

В какой-то момент русский командующий осознал, что получает подлинное, почти физическое удовольствие от происходящего. Он откровенно упивался своей властью, той несокрушимой силой, что стояла за его спиной, и той жалкой, парализующей растерянностью, которую являли сейчас его шведские собеседники.

— Скажи-ка мне, Петр Иванович, на какую сумму добрамы уже переписали? — вальяжно махнув рукой в сторону угла комнаты, где за отдельным столиком сидел человек с кипой бумаг, спросил Борис Августович.

Человеком этим был Петр Иванович Скорняков. Государь император лично отправил его в этот поход, пожаловав полную фамилию «Скорняков», потомственное дворянство и высокий чин действительного статского советника. Этот неординарный чиновник, проявивший изрядную толковость с первой же встречи с императором, теперь являлся недреманными глазами царя, его цепкими финансовыми и хозяйственными «руками» при армии.

С появлением Скорнякова у Морица Саксонского словно гора с плеч свалилась — императорский посланник просто забрал на себя все экономические вопросы корпуса. Командующий в какой-то момент вообще перестал вникать в работу интендантства и устройство запутанной обозной службы. Со стороны казалось, что этот гигантский механизм работает сам по себе, что выстроилась некая идеальная логистическая система, в которую военным лучше не лезть со своими приказами, чтобы ничего не испортить.

На самом деле Петр Скорняков проходил здесь жесткую полевую стажировку. Император сознательно бросал его на задачи самого разного, порой не совсем профильного толка, максимально расширяя его компетенции. Можно сказать, что сейчас в русской армии обкатывался специалист совер-

шенно нового формата — фигура на стыке всемогущего генерал-интенданта и государственного экономиста.

— Два миллиона сто семнадцать тысяч четыреста тридцать талеров, — сухо и по-деловому, сверившись с открытым grossбухом, назвал сумму Скорняков. — Это опись того имущества, что уже взято под охрану в портовой зоне и на главных купеческих складах.

— Еще и суток не прошло с того момента, как ваши солдаты ворвались в город! А вы уже с точностью до монеты подсчитали все награбленное? — представитель Риксдага посмотрел на русского счетовода с откровенным скепсисом и плохо скрываемым ужасом.

— Мне становится с вами невыносимо скучно... — Саксонский тяжело вздохнул и брезгливо поморщился. — Господа, я ожидал, что вы предложите что-нибудь дельное. А вы пришли сюда тратить мое время, да еще и требовать. Заметьте: не просить милости, а именно требовать. Знаете ли, в хорошем расположении духа я мог бы рассмотреть просьбу. Возможно, даже снизошел бы до мольбы. Но ваши требования здесь не значат ровным счетом ничего. Вы арестованы, господа.

— Но позвольте! — побледнев, вскочил представитель Риксдага, судорожно хватаясь за спинку стула. — Это же вопиющее нарушение всех европейских правил ведения переговоров! Послы неприкосновенны!

— Да неужели? — глаза командующего недобро сверк-

нули. — А я вот абсолютно уверен в том, что в нынешнем Шведском королевстве подобные правила более не действуют. Так скажите на милость: зачем мне, победителю, чья артиллерия может к утру сжечь Стокгольм дотла, соблюдать перед вами какие-то политесы? Эй, караул! Взять их!

Намек прозвучал настолько прямолинейно, что не догадаться, к чему именно клонит русский командующий, было невозможно. Как невозможно было и оправдать то вопиющее дипломатическое преступление, которое совершили шведы.

Посланника русского государя в шведском королевстве, барона Шафирова, не просто арестовали вопреки всем международным законам — его бросили в казематы и подвергли жестоким пыткам.

— И это, господа, мне уже абсолютно достоверно известно. Как известно и то, что русский посланник прямо сейчас находится в пыточных подвалах самого королевского дворца! — голос Морица Саксонского хлестнул, как удар хлыста. — Так ответьте: почему я не должен поступить с вами точно таким же образом?

— Но... вы же просвещенный европейский человек, генерал! — заикаясь и дрожащими побелевшими губами ловя воздух, выдавил представитель короля. Он уже в полной мере осознал, какая жуткая перспектива разверзлась перед ними.

— С волками жить — по-волчьи выть, — мрачно пере-

фразировал русскую поговорку Борис Августович, подаваясь вперед. — Вас вздернут на дыбе, господа. И, уверяю вас, пытать будут каленым железом, не скупясь на угли. А потом я пошлю к королю и в Риксдаг только одного из вашей делегации — того, кто останется в живых. Чтобы он в красках донес до них суть всего здесь происходящего.

Саксонский брезгливо махнул рукой. Гренадеры охраны тут же шагнули вперед, жестко скрутили переговорщиков и бросили их коленями на дощатый пол. Государь император перед началом похода особо оговаривал этот момент: если уж придется мстить за Шафирова, то делать это следует жестоко и показательно, без всякой оглядки на модные европейские идеи Просвещения.

Фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, старый и закаленный в боях вояка, никогда в жизни не думал, что ему доведется участвовать в такой военной кампании, где пехоте придется бежать вперед сломя голову. Тот невероятный темп, который набрала русская армия после прорыва хлипкого заслона шведской пограничной стражи, и с которым она углублялась в заснеженные финские земли, еще недавно казался просто невозможным.

Все решала логистика. Подготовка к этому северному броску велась в строжайшей секретности, но с привлечением поистине колоссальных ресурсов. В ход пошло даже то золото, что было взято в качестве трофеев в ходе недавней Крым-

ской кампании. Только из Сибири армейские интенданты перебросили шесть тысяч отборных меховых полушубков для офицерского и старшего командного состава. На смену легким, совершенно не греющим суконным лосинам пришли теплые шерстяные штаны с плотным исподним. Войска массово переобули в унты и валенки, а кавалерия получила специальные сапоги, подбитые мехом изнутри.

Как оказалось на практике, именно такое беспрецедентное материально-техническое оснащение сыграло решающую роль в кампании, которую впору было называть уже не Северной войной, а Ледовитой.

Русская армия катилась на север непреодолимой лавиной, не останавливаясь ни на день. Редкие вражеские крепости, встречавшиеся на пути, моментально брались в глухую осаду и обходились с флангов. Благо сил и средств у Голицына было в избытке: здесь, на севере, сконцентрировалась как минимум половина всей военной машины России — грозный кулак численностью более ста пятидесяти тысяч штыков и сабель.

И вот сейчас, после изнурительной недельной гонки, за которую было пройдено такое расстояние, какое по летнему времени и за десять дней не всякий пройдет, фельдмаршал приказал авангарду остановиться.

Они вышли к побережью Ботнического залива. Здесь, со стороны финских земель, тянулась россыпь крупных рыбацких деревень и мелких городков. Всю стопятидесятитысяч-

ную армаду под теплые крыши, конечно, было не втиснуть, но для организации надежного тыла инфраструктура подходила идеально: дороги были наезженными, крепкими, а штабы и офицерский состав могли разместиться в добротных домах у очагов.

— Два дня на отдых, — отрезал Голицын, склонившись над картой в натопленной избе.

И как ни убеждал его присутствующий здесь же заместитель, горячий и рвущийся в бой генерал-лейтенант Михаил Матюшкин, доказывая, что нужно ковать железо пока горячо и двигаться дальше, старый фельдмаршал непреклонно настоял на своем. Людям и лошадям нужно было перевести дух перед решающим броском через льды.

День прошел спокойно. Действительно, отдохнули. Снабжение было хорошим, еще и местных фуражировали. Так что к вечеру лагерь собирался выдвинутся, как...

— Шведы! — закричали вокруг.

Фельдмаршал, только вышедший из своего походного шатра, не только услышал о приближении врага, но и увидел, как лагерь, да еще и без его приказа, превратился в разстроенный улей.

Фельдмаршал Голицын выцепил ближайшего офицера, оказавшегося адъютантом. Но не сразу и поймешь... Глаза шальные, весь возбужденный.

— Доложи! — потребовал фельдмаршал

— Кирасиры, ваше высокопревосходительство, — нерв-

но, хотя и стараясь взять себя в руки, сказал адъютант. — Идут плотным строем. Три, может быть, три с половиной тысячи сабель. Элита.

Тут же на огороженную территорию штабной и командирской палатки въехал на коне генерал-лейтенант Матюшкин, чья лошадь нервно прыдала ушами, хищно оскалился: — Решили смять нас на марше, Михаил Михайлович? Думают, пехота в чистом поле против тяжелой конницы — легкая добыча.

— Экий ты шустрый, — съязвил фельдмаршал.

Был у них с Матюшкиным если не конфликт, то соперничество. Михаил Михайлович Голицын, министр военных дел, видел и понимал, что государь привлекает новых людей. А Матюшкин еще и какой-то там родственник императора.

Так что немало усилий понадобилось Голицыну, чтобы начать отдавать дельные приказы, по существу.

— Михаил Афанасьевич, — обратился он, залезая с помощью спины солдата на коня. — Приказываю развернуть особые полки. Центр — в линию, фланги прикрыть каре из линейной пехоты. И ради бога, осадите их. Пусть подпустят ближе.

Матюшкин пришпорил коня, галопом срываясь к выстраивающимся порядкам. И без того войско готовилось к отражению конной атаки.

Русская пехота работала в тишине, нарушаемой лишь хрустом снега и лязгом оружейных замков. В центре позиции,

растянувшись в три шеренги, встали особые егерские полки. Внешне они ничем не отличались от обычной пехоты, кроме одного: в их руках были не гладкоствольные фузеи, а тяжелые нарезные штуцера.

Но главным секретом была пуля. Не круглый свинцовый шар, который нужно было с силой вколачивать в ствол шомполом, а вытянутая, конусная «слива» с выемкой в донце. Она легко скользила в ствол, а при выстреле пороховые газы раздавали свинцовую юбку, намертво вгоняя ее в нарезы. Дальность и пробивная сила этого оружия в 1725 году казались чем-то из области черной магии.

Между прочим были и такие солдаты с офицерами, которые наделяли пули потусторонними силами.

И вот, на горизонте появилась стальная волна. Шведские кирасиры шли шагом, экономя силы лошадей. Черные вороненые кирасы сходились в монолитную стену. Вот они перешли на рысь. Земля загудела сильнее. Много... очень много. Три тысячи кирасир казались такой мощью, что было видно, как некоторые новобранцы терялись, чуть волокли трясущиеся ноги.

И только опытные военачальники знали, что вот эта атака шведов – это скорее крик бессилья. Не готова Швеция к войне, но кирасиры в армии есть. Они здесь, готовятся умирать с честью. А с таким врагом сложнее справиться. Тут не только цифры имеют значения, но и дух... Коса устремилась к камню. Очень технологичному и кусачему камню.

Глава 2

Окрестности крепости Аббо.

3 марта 1726 год.

Шведская конная лавина шла прямым на русский центр. Зрелище было завораживающим и первобытно-страшным. Три тысячи всадников, выстроившись в идеальный, геометрически выверенный квадрат, неумолимо сокращали дистанцию. Земля мелко дрожала, гул копыт сливался в единый низкочастотный рокот, отдающийся прямо в грудной клетке каждого русского пехотинца.

Можно было бы счесть шведов полнейшими идиотами, отчаянными безумцами, возжелавшими лишь красивой и славной смерти в чистом поле. Но это лишь в том случае, если бы они хоть отдаленно представляли, на что скачут. Если бы они знали о тех технологических новшествах и смертоносных премудростях, что таились за невысокими брустверами русских позиций. Не будь у Голицына шрапнели, не прячась в траншеях егеря с тяжелыми, дальнобойными штуцерами — эта стальная масса просто прошла бы русскую оборону насквозь. Шведская элита растоптала бы пехоту, прорвала линию и беспрепятственно вышла к Або. А уже там, опираясь на мощь крепости, они без труда уничтожили бы все русские заслоны, расставленные на ключевых дорогах срединной Финляндии.

Но история не знает сослагательного наклонения.

Фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын стоял на холме, напряженно вглядываясь в надвигающийся стальной вал. Нервы командующего были натянуты как корабельные канаты.

— Артиллеристам... Пускай они бросают эти свои воздушные бомбы! — неожиданно манерно, срывающимся от напряжения голосом приказал Голицын.

Он выхватил из рукава белоснежный кружевной платок и резко взмахнул им. Жест был театральным, совершенно чуждым этому старому вояке, никогда не воспитывавшемуся в подобных дворцовых политесах. Но то ли столичная мода пустила корни, то ли колоссальное напряжение момента потребовало выхода в несурразности.

Однако пушки молчали.

Секунда. Вторая. Третья. Время растянулось в вязкую паутину. Шведская кавалерия уже переходила на галоп.

— Почему молчат?! — взревел Голицын, сминая платок в кулаке.

Но артиллеристы, стиснув зубы, хладнокровно выдерживали паузу. Специально ли они дожидались идеальной дистанции, или это была задержка при передаче приказа, но ударили батареи ровно в тот момент, когда шведский квадрат вошел в зону максимального поражения. Батареи рывком вошли в один голос, выплевывая в небо десятки снарядов.

Русские солдаты в первых линиях траншей невольно вжи-

мали головы в плечи, провожая взглядами свистящие черные точки, летящие по дуге. Некоторые из пехотинцев, косясь, не смотрит ли унтер или офицер, судорожно крестились. В армии уже поползли мрачные слухи о том, что за дьявольское оружие проносится сейчас над их головами. Это были разрывные шрапнельные снаряды — «воздушные бомбы», от которых невозможно было ни укрыться за щитом, ни закрыться кирасой. Свинец, извергаемый ими, прошивал плоть коня и всадника навывлет.

И этот ад обрушился на врага.

Головные эскадроны шведов, набравшие бешеную скорость и уже предвкушавшие, как будут рубить русских стрелков, с ужасом слышали над собой треск рвущегося металла. Снаряды не падали в землю. Они взрывались прямо в воздухе, на высоте нескольких метров, накрывая плотный кавалерийский квадрат сверху.

Там, в самом сердце шведского строя, разверзлась преисподняя.

Когда шрапнель бьет в скопление многосотенного войска, несущегося галопом, стремя в стремя, — последствия чудовищны. Свинцовый ливень не просто выбивал людей. Всадников сносило с седел десятками. Даже если стальной шарик попадал в вороненую кирасу по касательной, кинетический удар был такой сокрушительной силы, что человека просто вышвыривало из седла. Падая на бешеной скорости, они ломали руки, шеи, разбивались о копыта собственных лошадей

и закованных в броню побратимов.

Строй сломался мгновенно. Началась жуткая, кровавая свалка. Задние ряды, не успевая затормозить, на всем скаку влетали в образовавшуюся перед ними стену из бьющихся в агонии лошадей и изувеченных людей. Кони скользили копытами на стремительно растущих лужах крови, с хрустом ломали ноги о тела своих же павших всадников и переворачивались через голову, сминая тех, кто пытался подняться. Дикий конский визг смешался с человеческими криками.

Но первые линии шведов, вырвавшиеся из-под огненного зонтика, по инерции продолжали лететь на русские окопы. В их глазах читалось безумие.

— Да что же молчат штуцеры?! — в панике заорал Голицын, видя, как передние ряды кирасир стремительно приближаются к беззащитной пехоте. — Сметут же! Пусть стреляют!

Стоящий рядом с ним генерал-лейтенант Матюшкин медленно повернул голову и зло, с нескрываемым презрением зыкнул на паникующего главнокомандующего. В отличие от фельдмаршала, он чувствовал ритм этого боя. Он знал, что стрелкам нужна идеальная дистанция, чтобы не тратить пули впустую.

Однако приказ есть приказ. Матюшкин отвернулся от Голицына, выхватил палаш и рубящим движением опустил его вниз:

— Штуцерным! Целься! Залп!!

И тысяча граненых стволов одновременно изрыгнула огонь, вбивая последние гвозди в гроб некогда непобедимой шведской кавалерии.

Была у Михаила Михайловича Голицына одна скверная черта, не самая лучшая для главнокомандующего. Если в его седой, упрямой голове рождался какой-то тактический замысел, он искренне верил, что подчиненные должны мгновенно прочесть его мысли. Сам же фельдмаршал редко удостоивался тратить время на подробные разъяснения.

Впрочем, сейчас решение напрашивалось само собой, диктуемое самой логикой этой безжалостной бойни. Особые егерские полки, вооруженные новейшими штуцерами и смертоносными конусными пулями, наконец-то получили приказ действовать. Теперь все зависело лишь от того, насколько хладнокровно эти солдаты и офицеры способны держать строй, перезаряжать тугие стволы и вести беглый огонь.

— Пли!!

Небо раскололось. Массовый залп двух тысяч тяжелых штуцеров прозвучал не как треск обычной мушкетной пальбы, а как единый, раскатистый удар грома, от которого заложило уши. Густое облако пороховой гари мгновенно заволокло русские позиции.

Генерал-лейтенант Матюшкин, наблюдавший за линией стрелков, брезгливо поморщился. Сквозь дым он видел, как пехотинцы, стоя плечом к плечу в три плотные шеренги, судорожно вгоняют новые заряды.

Матюшкин, в отличие от старого фельдмаршала, прекрасно понимал: эти солдаты не должны стрелять линиями. Это варварство и растрата потенциала! Тот, кто владеет таким оружием, должен убивать врага на максимальной дистанции, выбивать офицеров, бить из укрытий, подлавливать вражеские колонны с флангов, растворяясь в лесу или складках местности. Штуцерники — это совершенно другой род войск, это не бездумные гренадеры для штыкового удара и не пушечное мясо линейной пехоты. Это хирургический инструмент.

Но сейчас этот инструмент использовали как тяжелую кувалду.

На самом деле, раздраженный Матюшкин уже начал видеть ошибки Голицына даже там, где их, по сути, не было. Да, солдаты палят архаичными линиями из новейшего оружия. Но почему? Да потому что этих вчерашних рекрутов просто не успели переучить на новый лад! Они умеют держать строй и стрелять залпом по команде. И в этом кровавом хаосе лучше безупречно делать то, что умеешь, пусть это и кажется тактически устаревшим, чем из рук вон плохо пытаться исполнять новаторские маневры.

Михаил Михайлович управлял войсками по железобетонному принципу: «От добра добра не ищут». То, что ломало шведов под Полтавой, должно сработать и здесь. Новшества, конечно, в армию внедрялись, но с таким зубовным скрежетом и саботажем, что если бы император узнал всю прав-

ду, полетели бы головы. Голицын игнорировал новые уставы, маршевые переходы организовывались по старинке, обозы плелись в хвосте. Именно из-за этой замшелой неповоротливости армия опоздала к месту разворачивания на целых два дня!

А ведь операция рассчитывалась по часам, чтобы ударить одновременно всеми силами. Из-за упрямства командующего возник чудовищный риск: шведы могли успеть сконцентрировать достаточный контингент. Да, они вряд ли выиграли бы генеральное сражение, но пустили бы русской армии такую кровь, что поход захлебнулся бы в собственных лаза-ретах.

Между тем, передовая превратилась в конвейер смерти. Линии штуцерников методично, словно заводные механизмы, отрабатывали залп за залпом по ошметкам приближающейся кавалерии. Над полем продолжали рваться шрапнельные снаряды, осыпая обезумевших от ужаса шведов роем стальных шариков с высоты в пятьдесят-семьдесят метров.

Теперь это был лишь вопрос времени — когда окончательно перестанет существовать этот элитный, чудовищно опасный кавалерийский корпус. Если бы хотя бы треть этих кирасир вырвалась из капкана и ушла под защиту пушек крепости Або, они стали бы костью в горле русской армии. Из них сформировали бы летучие отряды, которые непрерывно резали бы коммуникации, жгли обозы и перехватывали фуражиров ушедшего вперед войска. Поэтому Голицын не

имел права отпускать никого.

Только добить. Растоптать в кровавую грязь.

Еще немного времени. Еще несколько удачно легших снарядов. Еще шесть-семь безупречных штуцерных залпов — и шведская кавалерия станет лишь строчкой в списках безвозвратных потерь.

Матюшкин бросил взгляд на фланги, скрытые за лесопосадкой. Там, вцепившись в поводья рвущихся в бой коней, ждали своего часа легкие части. Как только шведы дрогнут и побегут, наступит время преследования. В дело пойдут уланы и дикая, необузданная конница башкир.

Их было немного, около тысячи сабель, но эти дети степей воевали страшно, сноровисто и безжалостно. Даже высокомерный Голицын, считавший себя просвещенным и цивилизованным европейским полководцем, не мог не признать: когда дело доходит до того, чтобы гнать и дорезать сломленного врага, лучше степняков с их кривыми саблями и арканами не найти никого. Они уже чуяли кровь.

— Командуйте срочную атаку кавалерии по флангам неприятеля! — выкрикнул Голицын, не в силах скрыть внезапно вспыхнувший, почти мальчишеский азарт. Глаза главного командующего лихорадочно блеснули.

Он жаждал закончить это сражение красиво. На высокой, звенящей ноте, чтобы в петербургских домах, да и в любых европейских, никто и никогда не посмел упрекнуть его в том, что он выиграл баталию, прячась за спинами пушка-

рей. Фельдмаршал был человеком старой, рыцарской закалки. В его системе координат бой, в котором дело не дошло до яростной сшибки грудь в грудь, где металл не ударился о металл, а клинки не окрасились горячей кровью, считался «неправильным», почти бесчестным. И ради этой кровавой эстетики он прямо сейчас совершал роковую, чудовищную ошибку.

Матюшкин побледнел. Скулы генерал-лейтенанта нервно дернулись.

— Господин командующий! — он резко шагнул к Голицыну, игнорируя субординацию. — Выражаю категорическое негодование вашим приказом! Какая атака?! Дайте артиллерии и егерям еще пятнадцать-двадцать минут, и от шведского авангарда останется только кровавое месиво! А конницу отправьте в глубокий обход, чтобы отрезать им пути к отступлению к крепости. Это единственно верное решение, сберегающее жизни наших людей!

Генерал-лейтенант выпалил это на одном дыхании, злой скороговоркой. Он прекрасно знал, что Голицын на дух не переносит критики, особенно от него — Матюшкина, которого старый фельдмаршал втайне считал несправедливо возвысившимся «выскочкой» и фаворитом новой эпохи.

Лицо Голицына пошло красными пятнами гнева.

— Пока я здесь командующий, генерал, вы будете беспрекословно выполнять мои приказы! — его голос лязгнул металлом. — Сигнал кавалерии!

— Извольте. Но в своем докладе Государю я в точности отображу наше с вами жесточайшее противоречие, — ледяным тоном, глядя прямо в глаза командующему, отчеканил Матюшкин.

Запели горны.

Русская кавалерия сорвалась с места. Матюшкину было физически больно на это смотреть. Конные полки, наполовину укомплектованные молодыми, недостаточно обкатанными в конном строю солдатами, начали стремительно терять идеальную линию атаки. Несмотря на отчаянные крики офицеров, сыплющих проклятиями, лавина шла неровно, рвано.

И хуже всего было то, что уже через минуту по всей линии русских траншей понеслись истошные команды: — Отставить огонь! Пушки молчать! Штуцерным — стволы в землю!

Артиллеристы со злым бессилием отшатывались от заряженных орудий. Штуцерники опускали дымящиеся ружья. Еще мгновение — и русские стрелки начали бы косить своих же всадников, влетающих в зону поражения. На поле повисла жуткая, неестественная тишина, сквозь которую нарастал лишь глухой, утробный гул тысяч копыт.

Численное превосходство было на стороне русской кавалерии. Они с размаху, с диким хрустом и лязгом врубались в израненные, но не сломленные ряды шведов.

И тут выяснилось страшное. Шведы, потерявшие половину людей под огнем шрапнели, даже не помышляли о том, чтобы бежать. Загнанные в угол, оглушенные, они решили

продать свои жизни по самой высокой цене. Это были последние по-настоящему страшные шведские рубаки, потомки тех самых «каролинцев» Карла XII, что целое столетие наводили леденящий ужас на всю Европу.

Матюшкин до хруста в пальцах сжал медный тубус зрительной трубы и прильнул к окуляру.

Там, в пороховом дыму, кипел настоящий ад. Смешались кони, люди, сабли, кирасы. Шведы действовали палашами с пугающей, механической точностью, вспарывая животы лошадям, стягивая русских всадников на землю и добивая их тяжелыми клинками. Да, русские воины бились героически. Они не уступали врагу ни в ярости, ни в силе духа, опьяненные гордостью Победителей — тех, кто двадцать лет назад уже сломал хребет этой северной империи. Но они гибли. Гибли десятками там, где могли бы спокойно наблюдать, как работу доделывает свинец.

— Какая бессмысленная бойня... — глухо пробурчал Матюшкин, не отрываясь от трубы. — Этих потерь можно было избежать. Ни одной капли нашей крови не должно было там пролиться.

Голицын молчал. Его тяжелый вороной жеребец, чувствуя нервозность хозяина и пьянящий запах близкой крови, непрерывно гарцевал, грыз удила и всхрапывал. Фельдмаршал с силой натягивал поводья, пытаясь успокоить животное, но на самом деле он пытался усмирить подступающее чувство вины.

До него начало доходить. Но, запертый в своей устаревшей системе координат, Голицын признавался себе лишь в том, что поспешил. *«Надо было дать еще два-три залпа, — лихорадочно думал он. — Пусть бы воздушные бомбы выкосили еще сотню-другую, а уже потом пускать конницу...»* Признать, что кавалерийская атака здесь была не нужна в принципе, его гордость не позволяла.

В окуляре Матюшкина шведы начали прорубать кровавую просеку в русском строю, пытаясь вырваться из клещей.

— Пустите в бой свежую кавалерию! Бросайте резерв! — сквозь сцепленные зубы процедил Матюшкин, поворачиваясь к фельдмаршалу. В его голосе уже не было злости, только сухой, профессиональный расчет. Нужно было затыкать брешь.

Голицын перестал дергать поводья. Он обмяк в седле, словно постарев за эту минуту на десять лет.

— У меня... нет больше кавалерии, — тихо, стараясь сохранить остатки достоинства, ответил главнокомандующий.

Тон, которым это было сказано, говорил красноречивее любых оправданий. Если бы Михаил Михайлович был уверен в своей правоте, он бы сорвался на крик, жестко поставил бы дерзкого зама на место, напомнил бы о субординации. Но сейчас его тихий голос был фактическим признанием собственного поражения на фоне общей, такой кровавой и тяжелой победы.

- Тогда мы рискуем проиграть. И вся политика государя

пойдет прахом, - сказал Матюшкин.

- Это фортуна, - улыбнувшись, разведя руками, сказал Голицын. - Она изменчива.

- Это предательство...

Глава 3

Окрестности крепости Або.

3 марта 1726 год.

— Вы меня предателем назвали? – взъярился Голицын.

— За это прошу простить. Если только вы поймете, как выровнять положение можно, – сказал Матюшкин.

— Весь во внимании!

— У вас в резерве башкиры и две сотни донских казаков, — жестко напомнил Матюшкин, не сводя потемневших глаз с кровавой мясорубки, в которую превратилось поле боя.

— Разве же это кавалерия? Дикари-с... — презрительно скривился Голицын, надменно поджав губы.

— Господин командующий! — Матюшкин повысил голос, балансируя на грани трибунала за нарушение субординации. — Введите эти свежие силы немедленно, чтобы они переломили ход сшибки! Прямо сейчас, под шведскими палашами, гибнет цвет нашей регулярной армии. Те офицеры и солдаты, которые до зарезу будут нужны Государю и Отечеству в грядущей войне с турками! Вы размениваете золото на медь!

— Извольте распоряжаться! — Голицын резко отвернулся, нехотя, словно отмахиваясь от назойливой мухи, бросил разрешение. — Если у вас такая вера в то, что степные дикари хоть на что-то способны.

Матюшкину не нужно было повторять дважды. Сигнал ушел мгновенно.

Уже очень скоро из-за спасительной линии леса, лавиной, с диким гортанным гиканьем, разбойничьим посвистом и пронзительными криками в свалку вылетела иррегулярная конница. Матюшкин, чей полководческий талант и чутье ритма боя в последнее время раскрывались все ярче, кожей чувствовал — момент для удара выбран безупречно.

Шведы в самом центре кровавого котла как раз начали верить в невозможное. Они почувствовали, что продавливают русскую регулярную конницу, что они способны ее здесь изничтожить. У шведских офицеров, уже распрощавшихся с мыслью прорваться в спасительную крепость, блеснула отчаянная надежда: нанести русским катастрофический урон и организованно отступить на запасные рубежи. Там закрепиться, дожидаться идущих на помощь корпусов — и это был бы реальный шанс на сопротивление.

И именно в эту секунду хрупкой шведской надежды во фланг им ударил первобытный ураган.

Менее двух тысяч свежих иррегулярных кавалеристов, закаленных в степных стычках. Башкиры привели сюда самых лучших, самых свирепых своих багатуров. И шведы — элита европейской войны — дрогнули. Психологический слом произошел мгновенно: строй рассыпался, и они хаотично, в панике побежали прочь.

Относительно свежие, низкорослые, но невероятно вы-

носливые кони казаков и башкир играючи настигали великолепных, но в смерть уставших кирасирских жеребцов. Догонять, выбивать из седла и уничтожать бегущего противника — в этом степной коннице не было равных во всем мире. Сейчас они рубили врага с упоением, ведомые не только воинским азартом, но и железным прагматизмом.

Они прекрасно знали закон: все, что они возьмут в бою прямо сейчас, никто у них отнять не посмеет. Государь Император мудро определил лишь налог на добычу — двадцать долей (пять процентов) от всего захваченного отходило казне. Остальное — твое.

И у донцов, и у степняков кузнечное дело развито было слабо из-за нехватки качественной руды, поэтому любой шведский клинок, выкованный из лучшей на тот момент эскольстунской стали, пистолет или прочная кираса были не просто трофеями. Это было целое состояние. Подарок судьбы, гарантия сытой жизни и высочайшего статуса по возвращении в родное кочевье или станицу. Шведская конница сейчас была для них ходячим золотом, и они собирали его, щедро расплачиваясь чужой кровью.

Когда шум резни сместился далеко за холмы, Голицын медленно повернул коня к своему заместителю.

— Генерал-лейтенант, готовьте войско к выступлению, — процедил фельдмаршал сухим, ледяным тоном, всем своим видом показывая, что ничего экстраординарного не произошло. — Сия баталия выиграна. Нынче же нужно наверстать

время. Мы отстаем.

Но за этим фасадом скрывалась глубокая, почти детская обида. Матюшкин, единственный старший офицер, находившийся рядом, не снял треуголку, не склонил головы, не произнес льстивых речей и не поздравил главнокомандующего с "великой викторией". Эта холодная тишина подчиненного была по самолюбию Голицына больше шведской пули, еще туже затягивая узел глухого конфликта между двумя военачальниками.

К вечеру тяжелая, неповоротливая машина русской армии пришла в движение.

На календаре значилось начало марта, но Финляндия не собиралась сдаваться весне. К закату ударил жестокий, пробирающий до костей мороз, намертво сковавший кровавую весеннюю распутицу поля боя. Снега за зиму навалило по колено, и теперь его наст зловеще искрился в багровых лучах уходящего солнца.

Армия выдвигалась тяжело. Потянулись бесконечные, темные на фоне снега колонны измотанной пехоты. Воздух наполнился скрипом сотен полозьев — тяжело груженные обозные сани и лафеты пушек с трудом пробивали себе колею в снежной целине. Лошади оступались, храпели, погонщики хрипло ругались, кутаясь в шубы.

Дыхание десятков тысяч людей и животных поднималось над походными колоннами сплошным сизым маревом, которое тут же таяло в ледяном сумеречном воздухе. Остав-

для позади страшное поле, усеянное тысячами замерзающих трупов, войско упрямо вгрызалось в холодную, враждебную пустошь. Впереди, сквозь стылый финский лес, лежал путь север, чтобы обойти с боями с неподготовленной к войне шведской армией и выйти на Стокгольм, огибая Ботнический залив.

А в это время, за спинами военных, шли чиновники. В том числе и представители Тайной канцелярии. Финны читали, ну те из них, один на сотню, или даже меньше, кто умел читать по-шведски, читали вот такие листовки:

«Народ Суоми! Вы угнетались шведским сапогом многие десятилетия. Вас держали за людей второго сорта на вашей же родной земле. Мы пришли освободить вас. Под русским крылом, под покровительством Его Императорского Величества Петра Великого, мы обещаем вам незыблемые вольности, коих вы никогда не имели от Стокгольма!

Отныне ваша земля станет Великим Княжеством Финляндским. Мы обещаем, что шведский язык больше не будет выживать ваше родное слово. Вы получите право говорить, судить и писать в канцеляриях на вашем исконном языке Суоми! Никто не посягнет на вашу веру — святыне лютеранские кирхи останутся неприкосновенны, а пасторы будут проповедовать без страха. Ваши сыновья больше не будут пушечным мясом для шведского короля, сгинувшим в польских болотах или немецких землях. Мы освобождаем вас от грабительских шведских военных податей — рекрутской и про-

виантской! Но вы сможете служить в русской армии, по желанию и за немалое жалование.

Ваши налоги пойдут только на обустройство ваших же городов и дорог. Шведские чиновники, дравшие с вас три шкуры, будут изгнаны, а править вами станут ваши же выборные люди в местных сеймах. Возьмите оружие! Ударьте в спину отступающим шведам, очистите свои леса от их гарнизонов, и вы обретете истинную Родину под надежным и щедрым щитом Российской Империи!»

— так начиналась листовка, одна из сотен тысяч, которые сейчас переводились в походных типографиях и тайно разбрасывались лазутчиками по всем приходам, хуторам и мызам финской земли.

Выборг.

7 марта 1725 года.

Я взял один из свежеотпечатанных листов, пахнущих свинцом и едкой типографской краской, пробежал глазами по рубленым финским словам и отложил в сторону.

Красиво. Убедительно. И главное — в это хотелось верить. Шведская администрация действительно относилась к финнам как к дикарям-провинциалам, выкачивая из них ресурсы для своих имперских амбиций. Дать им сейчас национальную гордость, свой язык в судах и школах, дать свободу вероисповедания — означало поджечь шведские тылы ярчайшим пламенем партизанской войны.

Но, раздавая эти щедрые посулы, я ни на секунду не забывал о том, чем обернулась подобная доброта в моей прошлой, «реальной» истории.

Александр I, присоединив Финляндию в 1809 году, дал им всё. Слишком много. Свою почту, свою полицию, свои внутренние таможенные кордоны, даже свою армию и валюту — финскую марку, которая была крепче рубля!

Романовы выпестовали государство в государстве. Итог? К началу двадцатого века Российская Империя получила под боком у столицы враждебную территорию. Финляндия стала инкубатором для русских революционеров, идеальным местом для контрабанды оружия и бомб. А потом — 1917 год, независимость, резня русских офицеров в Выборге, линия Маннергейма и тяжелейшая Зимняя война. И... сука... блокадный Ленинград.

Я встал со стула и нервно заходил в комнате. Присутствующий здесь, рядом, на обеде со мной, мой зять, Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, провожал меня взглядом. Он явно не понимал, почему я вдруг сменил настроение.

— Все в порядке, мой друг, все в порядке, — сказал я, присаживаясь за стол и отрезая кусок мяса из стейка.

Но не так легко отказаться от мыслей, тем более, когда мы с Карлушей уже обсудили те обещания, что я даю народу суоми. И, нет. Второй раз на эти грабли Россия не наступит. Моя автономия для народа Суоми будет выглядеть как райские кущи, но состоять из стальных, невидимых капканов.

Я дам им культурную свободу. Пусть поют свои руны, пусть читают Библию на финском, пусть строят свои аккуратные кирхи и гордятся тем, что они не шведы. Я даже дам им местное самоуправление на уровне магистратов.

Но экономики своей у них не будет.

Чтобы не было сепаратизма, финский желудок и финский кошелек должны намертво срастись с Петербургом. Вся финская древесина, их корабельные сосны и деготь пойдут только на русские верфи, причем контракты будут составлены так, что главным покупателем станет казна. Я дам местным купцам и дворянчикам колоссальные льготы для торговли на внутреннем русском рынке. Пусть богатеют! Пусть строят особняки в Гельсингфорсе. Но пусть знают: если они захотят отколоться от Империи — они в ту же секунду станут нищими. Их товары в Европе никому не нужны, там своих шведов и норвежцев хватает.

Никакой отдельной армии. Только егерские батальоны территориальной обороны, вписанные в структуру русской армии, зависимые от наших пороховых заводов и нашей артиллерии. И... со службой вне финских земель. Офицерский корпус будет учиться в Петербурге, в одних кадетских корпусах с русскими дворянами. Я сделаю так, что для амбициозного финского юноши пределом мечтаний будет не местечковый сейм в Або, а эполеты гвардейского полковника или пост в Сенате Российской Империи.

Элиту нужно покупать. Сытая, интегрированная в обще-

русский рынок буржуазия сама перевешивает любых националистов-сепаратистов, потому что революция мешает бизнесу.

А еще... есть у меня такое убеждение, что от слабого центра разбегутся даже такие окраины, что за пару дней обойти пешком можно, выйдя из столицы. А вот от сильного и такие окраины, до которых перекладными больше года добираться, не уйдут. Россия должна быть богатой и сильной. А еще и привлекательной, со своей идеей, как “американская мечта”.

И добиться такого можно.

Я не остался в Петербурге, предпочтя перенести ставку в Выборг. Этот суровый каменный город был идеальным ключом к Балтике — гораздо ближе к театру военных действий, хотя сама война уже давно откатилась далеко на север, в финские шхеры. Многие в свите шептались, что я поступаю неправильно: дескать, во время судьбоносных для Российской империи событий государь обязан находиться в столице, дабы лично вдохновлять гвардию и Сенат.

Но я считал эти дворцовые политесы абсолютной блажью. Выборг давал мне прямой контроль над логистикой галерного флота и курьерскими линиями. А в Стокгольм... В Стокгольм я съездить еще успею. Но только когда он станет русским протекторатом. Причем въехать в их столицу я планировал не как завоеватель, а как почетный гость — бок о бок с новым шведским королем.

Нет, глотать Швецию целиком я не собирался. На дан-

ный момент этот геополитический слон был нам не по зубам — подавимся, да еще и всю Европу против себя сплотим. Тем более что официально у нас полыхала война с Англией. И хотя вчера пришли надежные известия, что наша эскадра, идущая на Мадагаскар, благополучно покинула французский Брест и находится вне досягаемости британских крейсеров метрополии, расслабляться было нельзя. Меня ни на минуту не покидало чувство, что англичане попытаются нагнать конвой и устроить показательную акцию устрашения. Но если они рискнут — умоются кровью. Все корабли Мадагаскарской экспедиции были тайком обшиты дополнительными поясами прочности, а в крюйт-камерах лежали новые, чудовищные по разрушительной силе разрывные бомбы для тяжелых орудий. Британцев ждали очень неприятные сюрпризы.

Но мысли об океанских баталиях пришлось отложить. Только вчера по курьерской эстафете прибыли первые, еще весьма противоречивые реляции из-под Або, где Голицын перемалывал остатки шведской армии. Пора было разыграть политическую карту.

Я сидел в глубоком кресле перед жарко натопленным камином выборгской резиденции. Напротив меня, нервно теребя кружева камзола, сидел Карл Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский. Мой зять. «Карлуша».

— Что скажете, мой друг? — негромко спросил я, внимательно изучая его бледное лицо.

Да. Именно он. Единственный человек в Европе, имеющий безупречные, железобетонные притязания на шведскую корону. Карл был сыном Гедвиги Софии — старшей сестры покойного Карла XII. По всем законам престолонаследия именно он должен был сидеть в Стокгольме, а не эта гессенская выскочка Фредрик, муж младшей сестры, подмявший под себя Риксдаг. Или рикстаг все же больше подмял короля. Уже не так и важно. Теперь-то все будет по-другому.

На мой взгляд, посадить Карла на трон было решением изящным и абсолютно беспроегрешным. Он был полностью мой. С потрохами. Особенно после того, как мятеж гольштинской оппозиции был залит кровью и безжалостно задушен коваными сапогами русских драгун. Зависимость герцога от моей воли, моих штыков и моих денег стала абсолютной.

— Ваше Императорское Величество... — голос Карла дрогнул. — Но вы не считаете, что посылая меня сейчас в Стокгольм, вы обрекаете меня на верную гибель? Они растерзают меня! А заодно убьют и вашу дочь, Анну, и ребенка, которого она носит под сердцем!

В его глазах плескался неподдельный животный страх. Боялся ли я за дочь? Конечно. Я не был монстром. Но это не означало, что я позволю такому колоссальному династическому ресурсу пылиться в углу.

Я подался вперед, сцепив пальцы в замок: — Вы мыслите категориями рыцарских романов, Карл. Никто не пошлет

вас одного на верную смерть. Вы придете туда не с пустыми руками. Вы придете за спинами тридцати тысяч моих штыков. Но для шведского Риксдага, измученного налогами, инфляцией и гессенским узурпатором, вы станете спасителем! Мы привезем им хлеб. Мы привезем им золото. Мы дадим им мир, о котором они воют уже десять лет. Вы даруете им прощение, а тех аристократов, кто попытается вякнуть...

Я не успел договорить. В тяжелую дубовую дверь кабинета трижды коротко ударили.

Я нахмурился. Шло время утренней корреспонденции. Но согласно жесткому, вбитому палками регламенту, который я лично утвердил для своей Ставки, дежурный адъютант имел право прервать мою аудиенцию лишь в одном случае: если депеша имела гриф наивысшей государственной важности. В противном случае бумаги ждали бы окончания завтрака.

Дверь приоткрылась. Вошедший офицер был бледен. Чеканя шаг, он подошел к столу и положил передо мной небольшой, ровно обрезанный лист плотной бумаги, пахнущий сургучом и дорожной гарью. Дешифровка.

Я взял лист. Глаза быстро пробежали по строчкам.

В кабинете повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине. То, что было изложено на этом клочке бумаги, должно было в ту же секунду всколыхнуть всю Российскую Империю, от Петербурга до Урала. Сдвигались тектонические плиты мировой политики.

Я аккуратно положил лист на сукно стола. Лицо мое оставалось непроницаемым. Ни один мускул не дрогнул.

— На чем мы остановились, мой друг? — спокойным, будничным голосом, будто мне только что доложили о прибытии обоза с фуражом, спросил я у Карла.

Герцог вжался в кресло. Его трясло. Он кожей чувствовал витающее в воздухе напряжение.

— Ваше... Ваше Величество... Что-то случилось? Что-то важное? — сглотнув ком в горле, выдавил он.

Я чуть склонил голову набок, посмотрел на него ледяным, немигающим взглядом и позволил себе легкую, почти вежливую полуулыбку.

— Да сущие пустяки, Карл. Османская Империя начала выдвижение войск из-за Дуная. Султан только что официально объявил России джихад — священную войну всех мусульман. На нас идут двести тысяч янычар и крымчаков. Я же говорю, что сущие пустяки.

Я выдержал паузу, наслаждаясь тем, как краска окончательно покидает лицо моего гольштинского зятя, и добавил прежним ровным, ледяным тоном:

— Так вот, вернемся к делам шведской короны...

Глава 4

Стокгольм.

12 марта 1726 года.

Резиденция шведских королей, дворец Тре-Крунур, недавно по большей части сгорел, поэтому уже как полгода все необходимые мероприятия и балы проходили во дворце Врангеля.

Пока ещё король Швеции Фредерик I нервно теребил накрахмаленные белоснежные кружева своей рубахи, выступающей из-под щёгольского сюртука. Этот человек и раньше не отличался особым мужеством, решительностью, принципиальностью. А в ходе последних событий, когда немалое количество, в том числе и шведских офицеров, взирало на короля как на символ сопротивления, мужества, негиблемости, монарх показывал в точности всё наоборот.

Так что те очаги сопротивления, действительно мужественные, которые смогли отстоять целые кварталы Стокгольма и принять круговую оборону, быстро затухали. Они ждали хоть какого-то воззвания от короля, не дождались.

Да и откровенно неожиданное мощнейшее оружие русских деморализовывало настолько сильно, что даже и тот шведский воинственный дух, у некоторых не уступающий смелости и решительности своих предков, и тот был сломлен.

Крайне трудно воевать, когда даже с расстояния в двести шагов от русских позиций ты уже можешь считаться потенциальным мертвецом. Эти русские штуцеры! Это что-то невообразимое. Это как стихия, с которой бороться невозможно.

Как можно бороться с наводнением? Или со штормом? Можно лишь только попробовать спастись от этих напастей, но никак их не предотвратить и не повернуть вспять. А как можно бороться с тем, что ты еще не помышляешь стрелять, а твоих товарищей уже убивают? И до врага, до русских, еще не менее двух минут шагать под бой барабанов. А бежать... так строй же развалится напрочь.

Так что через три дня все очаги сопротивления в Стокгольме и даже в пригородах столицы были ликвидированы. Началось всеобщее русское доминирование в столице шведского королевства.

Собравшиеся люди смотрели на Бориса Августовича Саксонского как на сущего дьявола, который словно бы неожиданно в самом центре Стокгольма вышел из своего адского подземелья, а силы небесного воинства, ведомые архангелами, просто не успели воспрепятствовать.

Вообще переговоры не состоялись раньше, пока у шведских элит, окруженных в правительственном квартале еще оставались надежды, что подойдут полки, дислоцированные неподалеку от столицы и вот они уже решат...

Не решили. Во-первых подходы этих сил не были согла-

сованы и должным образом организованными. Бить разрозненные полки не составляло особого труда. Тем более, что кавалерия уже была отправлена на юг финских земель. А еще и пушки были захвачены десантом Саксонского, как и многие пороховые и вещевые склады.

Так что понадобилось время, как и черед поражений, чтобы все осознали... это конец истории шведского королевства, по крайней мере, в таком формате региональной сверхдержавы. Окончательный конец.

Саксонский сидел на стуле посреди относительно небольшого тронного зала дворца Врангеля. Это было принципиально, чтобы стул русского полководца был хотя бы на несколько дюймов, но выше, чем у шведского короля. Оскорбления были не только в этом.

Сам факт, что он сидел на стуле в присутствии говорил о многом. Ну и как он это делал... сложа ногу на ногу, с вызовом, надменно, взирая на Фредерика Первого.

Уже это отношение к переговорам показывало, что короля у Швеции либо не будет вовсе, либо он будет кем-то другим, а может быть, шведским королём станет русский царь.

Если вчера подобная мысль не просто пугала, а вызывала неконтролируемое негодование у большинства людей, то теперь подумали, что, может, не всё так плохо. Такова уж психология проигравших, которые строят ужасные картины своего будущего. Когда отступает на второй план держава, уже потому, что она кончилась. Но важнее становится личное. А

что будет с поместьями? С заводами и мануфактурами?

Русский император, а теперь они старались думать о Петре Алексеевиче именно в таком формате, а не как о дикаре, оказался сильным, в конце концов, он победил сильнейшего короля Швеции Карла XII.

“Петр же великодушный?” – теплилась надежда у шведских элит. – “Он же всегда говорил о Швеции, как о примере, даже систему управления взял почти что полностью шведскую. Да, изменил ее в последний год. Но были же коллегии”.

Ведь можно же и вполне себе жить неплохо, если русский, пусть одновременно ещё и шведский, монарх будет находиться где-то далеко от Швеции, пусть даже в Петербурге, от которого до шведской столицы несколько дней пути на корабле. А уже риксдаг сможет проводить ту политику, которая ему нужна.

Так что те, кто ещё вчера кричал, что необходима война с Россией, кто, по сути, эту войну и объявил, сейчас думали в абсолютно другом ключе, прикидывая, какие выгоды может получить Швеция от того, что она теперь станет нет, не вассалом России. На это как раз-таки пойти не хотели. А вот просто объединить две короны под единой головой Петра Алексеевича — это уже приемлемо. Бывало же такое в истории.

Вера... Перед самими переговорами, что показалось, как великая уступка, было объявлено, что вопросы веры рассматриваться не будут. Единственное, что если появятся

православные общины будь где, то они гарантируются всеми вероятными соглашениями. Своего рода таким шагом Саксонский предотвращал возможную партизанскую войну. Она уже началась. Но вопрос же в масштабах. Если задеть веру, то в партизаны пойдут многие. А если дать возможность продолжать работать, то скоро бандитские группировки сойдут на нет.

Можно сказать, что в некотором роде царило уныние и отчаяние в тронном зале дворца Врангеля. Но это можно говорить только лишь с оговорками. Всё же определённо это царство уныния не было монолитным и унитарным. Явно же были территории с сепаратизмом, люди, которые пришли сюда с надеждой на общежитие с Россией.

— Я требую, чтобы русские войска покинули мою столицу! — после того как манжеты на рукавах были смяты, когда ноготь на одном из пальцев левой руки был сломан пальцами правой руки, выкрикнул шведский король.

Все смотрели на него, ждали хоть какой реакции. Дождались...

И насколько же это выглядело унижительно. Какая беспомощность, такая слабость, что его жена, Ульрика, которая отдала некогда шведскую корону своему мужу, поморщилась.

Женщина, в которой текла кровь сильнейших шведских королей. Сестра Карла XII, которому, как многие считали, лишь только немного не повезло. Да, ошибку совершил

Карл, когда пошёл в Малороссию, рассчитывая, что от мала до велика малороссы будут поддерживать его, оказалось, что это не совсем так.

У этой женщины проступила слеза по щеке, которая поползла вниз, и она не успела среагировать, достать свой белоснежный, но не кружевной, а достаточно грубый мужской платок, лишь только пахнувший кёльнской водой. Слеза упала вниз.

Бессилие. Бессилие правящей династии что-либо изменить.

— Это всё, что может сказать бывший шведский король? — с явным издевательством, без каких-либо пиететов, спросил Саксонский.

Молодости, азарта в нём теперь было больше обычного. Он даже поймал себя на мысли, что обожаемая им, поистине любимая женщина Елизавета Петровна не приносила ему столько удовольствия, сколько победа над великой державой, чья армия еще недавно наводила ужас на Европу. Сейчас, когда он лично диктует условия шведскому королю. Когда он меняет этих королей. Мориц пребывал в эйфории.

В какой-то момент одна гамма эмоций, казалось бы, не связанная с мужским естеством, чуть ли не стала переходить в извращённую форму. Саксонский даже возбуждался на всё на это. Так что и нога положенная на другую ногу помогала скрыть начинавшийся конфуз.

Сейчас ему крайне сложно было взять себя в руки. Но бла-

го, что была чёткая инструкция, которую он проговаривал Петру Ивановичу Скорнякову. И все вопросы, и даже сложные ситуации, которые могли бы возникнуть, они прорабатывали.

Но это не означало, что небольшую дерзость своей волей Борис Августович всё же не проявит.

Молчание повисло в тронном зале. Все смотрели на короля и понимали, насколько это унижение — иметь такого монарха. Нет, ему никто не запрещал и не видел в этом ничего плохого, когда Фредерик менял любовниц, пропадал постоянно в лесах в поисках белого оленя, или розового кабана, или зелёного зайца... а в России, в будущем, назвали бы такое “поймать белку”. Пьянства было больше, чем охоты.

В конце концов, и Карл Двенадцатый, будущий ещё мальчишкой, только и занимался тем, что охотился да изучал оказавшуюся для него не особо интересной женскую анатомию. Этот малец, когда грозовые тучи сгустились над Швецией, взял себя в руки и показал такой гениальный полководческий талант... Так что нечто подобное, чудо, ждали и от нынешнего монарха. Ждали, хотя последняя надежда рухнула вот с этим вот выкриком обречённого, слабого и испуганного человека.

— Ну что, я понимаю, что диктовать волю мне. Если кто-то с этим не согласен, мы можем продолжить войну. Только не знаю, насколько вам приходят сведения, всё же вы в полной изоляции и не получали никаких сведений. Но русские

войска уже спускаются с самой северной точки Ботнического залива и направляются к Стокгольму. И все те сражения, которые пытались дать ваши войска, все они были выиграны, — генерал-лейтенант русской армии театрально развёл руками и скорчил явно недипломатичную рожицу.

— Но позвольте, крепость Або вами не взята! — выкрикнул явно не по протоколу, хотя какие уж тут, нынешний маршал шведского парламента граф Юсиас Седельхельм.

Он, наверное, оставался единственной фигурой, которая хотя бы могла говорить и имела хоть какой-то политический вес в риксдаге после того, как был убит Горн.

На самом деле граф Седельхельм приложил огромное количество своего влияния, средств, даже собственного серебра, чтобы хоть как-то сплотить депутатов. А то и до гражданской войны недолго, точнее войны всех со всеми.

Борис Августович ещё удерживал достаточно долгую паузу, поедая глазами одного из трёх факторов, которые могли бы хоть какое-то участие и влияние на ситуацию иметь.

— А зачем нам крепость Або? Не вижу смысла никакого её разорять, учитывая то, что она и без того теперь станет одной из союзных России твердынь, — Саксонский сказал это таким тоном, как, наверное, ребёнку говорят разгадку самой простой загадки, когда тот всё не справляется со своей задачей.

В зале установилась тишина. Королева, как ещё один фактор возможного влияния на обстоятельства, молчала. Она

использовала все свои внутренние резервы, старалась успокоиться. А что говорить? Выглядеть столь же жалко, как ее муж? Тот, кому она доверила королевство, хотя все равно приходилось немало решать вопросов, даже несмотря на то, что риксдаг забрал большинство рычагов власти.

— Все... будет вам. Итак... пока еще Ваше Величество, господа сенаторы. Мой тесть, Император Всероссийский Петр Алексеевич, пребывая в добром здравии и твердой памяти, поручил мне избавить шведский народ от тягот войны, которую вы, Ваше Величество, имели неосторожность спровоцировать. Лед Балтики покорился русскому штыку. Стокгольм — в наших руках. Кровапролитие бессмысленно. Остается покориться воле. Или война будет продолжена, города сожжены, третьим странам будет предоставлена возможность разбирать шведские земли, — жестко припечатал, как по читанному, на самом деле, заученному, Саксонский.

Граф Седерхильм понимал, что это конец, но не мог не попытаться сохранить лицо Риксдага:

— Светлейший князь, герцог, Риксдаг готов обсуждать контрибуции и новые границы. Мы можем созвать ассамблею...

— Нет! Здесь и сейчас! — Саксонский был категоричен. — Граф, вы путаете год. Это не 1721-й. Империя больше не торгуется за полоски земли в Карелии. Проблема не в территориях. Проблема в источнике постоянной агрессии. Император Петр считает, что правление Гессенского дома несет

угрозу миру на Балтике.

Итак, первый фактор, кто мог бы противостоять воле Саксонского, король, растоптан. Второй – риксдаг, в растерянности, пытается что-либо изменить, вот только тщетно. Но был и третий фактор. В зале присутствовали послы в Швеции, правда только два. Французский и английский.

— Война ещё не закончена, пока английский флот не вошёл в Балтику, — всё же англичанин в очередной раз нарушил протокол, высказался.

Вообще, Стивен Поинтс был из тех людей, кто, казалось бы, никогда не поддаётся панике, всегда рассудителен и принимает ситуацию такой, какая она есть, стараясь выкрутиться как можно более выгодно для себя и для своей страны.

Человек с желтоватым лицом, с явным вторым подбородком, можно было бы сказать, что он страдает полнотой. Вот только никаких страданий по этому поводу не было у полномочного посла Великобритании в Швеции.

Всегда идеально напудренный парик. Недорогая неброская одежда, но идеально подходящая случаю, с определённым минимализмом, между тем из первоклассной шерсти.

Это был расчётливый человек. Но тот, который несколько растерялся. Ведь так вышло, что русский дикарь, варвар, этот несносный Шафиров, когда англичанин был под эмоциями, когда бурлил весь шведский парламент, вынудил-таки, поймал на элементарной логической ловушке английского посла, и тот признал, что Англия находится, дескать, в со-

стоянии войны с Российской империей.

Теперь-то послу было всё ясно, зачем это было сделано. Россия готовила эту операцию за год, такие операции невозможно провернуть с бухты-барахты. А значит, весь тот спектакль, который разыграл Шафиров, также находящийся теперь в зале, сидящий на стуле, но скорее лишь только потому, что он не мог стоять, будучи если не покалеченным, то изрядно потрёпанным от шведских цивилизованных пыток.

— Скажите, господин Поинтс, а как должна реагировать Россия и мой император на хоть какие-то слова, сказанные человеком воюющей стороны? — спросил Саксонский, потом он перевел взгляд на русскую делегацию, в большей степени на Шафирова. — У меня есть свидетель, который слышал объявление войны со стороны английского посла России. И сейчас только личное обращение короля Великобритании может изменить отношения между нашими странами.

Шафиров усталым взглядом посмотрел на этого молодого выскочку, зятя русского императора. А ведь эти переговоры, упиваясь властью, должен был вести именно он. Заслужил своими пытками сперва в турецком плену, а теперь ещё и в шведском.

Однако у Шафирова в подобном состоянии ничего бы не получилось сносного. Не может человек вот так изящно макать мордой в грязь цивилизованных европейцев, когда у него у самого оба глаза заплывшие, рёбра поломаны, голова и в целом такая смертельная усталость, что даже сейчас он го-

тов был уснуть на своём стуле, несмотря на боль и на то, что происходят вокруг судьбоносные для всей Европы события.

— Англия не воюет с Россией. Англия принуждает Россию к достойному миру, — спокойно и, казалось бы, рассудительно сказал англичанин.

Саксонского распирало сказать, что для того, чтобы английские корабли вошли в Балтийское море, им ещё нужно было пройти датские проливы. Ну а то, что Дания сейчас захочет хоть какой-то свой кусок земли оттяпать у Швеции, — это факт.

— Начнём с того, господин англичанин, что вы не совсем понимаете или просто пытаетесь сделать хорошую мину при плохой игре, чем же вам всё же грозит эта ситуация и война с Россией. Напомнить ли вам про то, что Англия зависит в какой-то степени, но уж явно не в малой, от поставок из Швеции, да и России тоже. Но если с русскими поставками вы уже смирились, что их нет или почти нет, хотя как-то странным образом русская парусина и пенька всё же оказываются в вашей стране, то, когда прекратятся поставки из Швеции, что будет представлять из себя английский флот через, так скажем, шесть-семь лет?

Опять приходилось сдерживать и ещё объединение датского, шведского и русского флотов, которые уж точно могут показать такие зубы англичанам, что те кровью умоются.

А ведь ещё не стоит сбрасывать со счетов и Голландию, которая наверняка не так чтобы верная союзница Англии.

Наверняка же она и захочет под шумок англичан, которым на пятки наступают голландским морским и колониальным делам.

— Своими словами, господин командующий русским корпусом, вы ставите под серьёзную угрозу отношения Англии и России. Не думаю, что головокружение от побед — это самое то, что вам сейчас придётся впору.

Пикировка с англичанином продолжалась. И уже Пётр Иванович Скорняков сверлил взглядом Саксонского, который явно переусердствовал. Плодить проблемы.

Однако некоторые оскорбления прозвучали со стороны английского посла. Можно было бы подобрать совершенно другие слова относительно того, кем именно является сейчас Борис Августович Саксонский.

— Считаю, что все прения должны закончиться. И нынче я зачитаю волю императора Российской империи. Сразу могу сказать, что Ништадтского мира больше не будет. И то, что Швеция объявила России войну, и только после этого начались боевые действия, не оставляет никаких шансов для европейской дипломатии обвинить Россию в вероломстве. Посему любые подобные изречения будут считаться недружественным актом по отношению к России, и Российская империя оставляет за собой право отвечать на подобные необоснованные лживые выпады как на дипломатическом поле, так и при помощи своего оружия. Поверьте, сил и средств для того, чтобы мы ответили на любую угрозу, у

России сейчас предостаточно, — зачитал слова с бумажки на чистом, как родном, французском языке генерал-лейтенант Борис Августович Саксонский.

Он ещё не знал, что на самом деле он уже не генерал-лейтенант, а самый что ни на есть фельдмаршал Российской империи. Своего рода икона и человек, которого будут превозносить за его таланты и в России, и, исходя из того, что уже свершилось, в Европе никак не смогут проигнорировать таланты молодого, но подающего надежды полководца.

— Ну все... вот документ отречения. Моя канцелярия даже потрудилась и составила его, — сказал Борис Августович Саксонский.

Глава 5

Стокгольм.

12 марта 1726 года.

Тяжелые дубовые часы в углу тронного зала дворца Врангеля отбивали время с глухим, почти погребальным ритмом. Воздух в резиденции шведских королей промерз, пах сгоревшим воском, мокрой шерстью и ружейной смазкой. Вдоль стен, словно бронзовые изваяния, застыли гренадеры лейб-гвардии Преображенского полка. Свет пасмурного стокгольмского дня скользил по их высоким суконным митрам с медными бляхами, играл на полированных штыках, примкнутых к тяжелым фузеям, и тонул в густом зеленом сукне мундиров.

Граф Шарль Луи де Кастежа, французский посланник, стоял в глубокой тени гобелена, изображавшего давно забытую победу Густава Адольфа II, славного героя-короля, возвысившего Швецию до небывалых высот. До тех высот, с которых сейчас падать было слишком болезненно, чтобы иметь силы скрыть свои эмоции.

Французскому послу так же передалось это отчаяние, крик беспомощности. Он представлял, что такое может случиться с его благословенной Францией... нет, не может, но все же... и ужас застыл на лице посла. Он молчал, стиснув тонкие пальцы на набалдашнике трости.

В кармане его расшитого золотом камзола лежал зашифрованный пакет из Версаля — инструкции от кардинала Флери. Предписания были категоричны: *«В отношении России надлежит выражаться сколь возможно умеренно»* .

Во Франции еще не осознали до конца масштабов катастрофы. Никто в просвещенной Европе не мог предвидеть того, что произошло между Россией и Швецией. Две недели. Ровно четырнадцать дней потребовалось русским железным каткам, чтобы раздавить шведскую армию, смять береговые батареи и войти в Стокгольм.

Но Версаль умел складывать два и два. Кастежа вспомнил срочную депешу от французского посла в Петербурге, де Кампредона, которого русские почему-то упорно называли Кардиманом. Тот предупреждал о чудовищной, небывалой мобилизации петровской военной машины. Видеть эти зеленые полки — дисциплинированные, сытые, не знающие преград — где-нибудь на берегах Рейна французам совершенно не улыбалось. еще европейская война обязательно состоится. И так получалось, что Россия теперь — та страна, та тяжелая гиря, которая если уж упадет на одну чашу весов, то с уверенности перевесит другую

Поэтому граф де Кастежа превратился в изящную статую, молча и отстраненно принимая происходящее. Он присутствовал при похоронах империи. Пусть Швеция и называлась королевством, но по факту же, почти что империя, ее эмбрион, нынче погибающий.

В центре зала, за инкрустированным ломберным столиком, служившим сейчас подставкой для роковой бумаги, сидел король Фредрик I. Уроженец Гессен-Касселя казался постаревшим на десять лет. Его пудренный аллонж растрепался, шейный платок из валансьенских кружев сбился набок.

Напротив него возвышался князь, хотя в здешних местах тутовалование было “герцог”, Борис Августович Саксонский. На русском военачальнике был темно-вишневый бархатный кафтан, из-под которого тускло поблескивала кираса, а через плечо тянулась голубая лента ордена Святого Андрея Первозванного.

Зять русского императора положил на стол плотный лист пергамента с тяжелой сургучной печатью. Акт отречения.

Фредрик отшатнулся от документа, словно от ядовитой гадюки. Его пухлые щеки пошли красными пятнами. Он сжал кулаки, ударив по подлокотникам кресла.

— Вы... вы не смеее! — голос короля дал петуха, сорвавшись на фальцет. — Вы не смеее низлагать помазанников Божьих! Это попрание всех законов просвещенного мира!

Сидевшая по правую руку от него королева Ульрика Элеонора даже не вздрогнула. Сестра великого Карла XII, последняя из династии Пфальц-Цвейбрюккен на троне, сидела безупречно прямо в своем глухом черном платье. Ее лицо напоминало мраморную маску. Она медленно повернула голову к мужу. В ее глазах плескалось ледяное презрение женщины, отдавшей власть слабому мужчине и потерявшей из-

за этого всё. Но еще одна слеза, вдогонку той, что уже скатилась по щеке, устремилась к шее женщины. Шее, которую, казалось, сдавливала удавка.

— Корону вам дал Риксдаг, Фредрик, — холодно, чеканя каждое слово, бросила Ульрика Элеонора. Звук ее голоса в звенящей тишине зала казался ударом хлыста. — И Риксдаг может ее забрать, если на площадях Стокгольма стоят русские пушки.

Чуть поодаль, нервно протирая стекла очков батистовым платком, стоял барон Юсиас Седерхильм. Один из умнейших людей королевства, опытный дипломат, он сейчас выглядел глубоким стариком. Барон наклонился над столом, вчитываясь во второй пункт документа, и лицо его стремительно теряло краски, становясь под цвет пергамента.

— Герцог... — голос Седерхильма дрогнул. — Вы требуете, чтобы до совершеннолетия законного наследника... или до новых выборов... вся полнота власти перешла к Временному Государственному Совету? Но состав Совета... — барон вскинул глаза на русского посланника. — Здесь указаны лица, известные своими глубокими, нескрываемыми симпатиями к Петербургу! Тут русские! Это же конец нашему суверенитету!

— Вы проницательны, граф. Но это лишь название оккупационной власти. Скоро к вам придет король, — губы князя Бориса тронула вежливая, но абсолютно лишенная тепла улыбка хищника. — Мы в Петербурге называем

это гарантиями стабильности. Россия берет Шведское королевство под свой военный и политический протекторат. Да, именно так. Мы гарантируем неприкосновенность ваших законов, веры и частной собственности. Вы сохраните свои условия и свои риксдалеры. Но внешняя политика Швеции, граф, отныне пишется в Петербурге.

— Кто же новый король? Не кукла же вашего императора этот... Карл Фридрих Гольштинский?

— Опасно так говорить о новом монархе, — зло прошипел Саксонский.

Потом он сделал шаг к столу, нависая над съежившимся Фредриком, и пододвинул к нему серебряную чернильницу.

— Подписывайте, Ваше Величество. У меня недвусмысленный приказ: стоять здесь до тех пор, пока чернила не высохнут на этой бумаге, или пока мои гренадеры не начнут замерзать. — Борис Августович скосил глаза на шеренгу двухметровых гигантов с примкнутыми штыками. — А они, поверьте мне на слово, предпочитают греться во дворцах. Не вынуждайте их разводить костры из этой прекрасной мебели.

Фредрик тяжело задышал. Его трясущаяся рука с перстнем потянулась к гусиному перу. Он взял его, обмакнул в чернила. Перо зависло над бумагой. Острие дрожало, с него вот-вот должна была сорваться черная капля.

И в этот момент тяжелые створки дубовых дверей с грохотом распахнулись. Двое русских гвардейцев, стоявших на

часах, отлетели в стороны — не потому, что были слабы, а от неожиданности натиска. В зал, тяжело ступая ботфортами, оставляя на паркете грязные следы от талого снега и крови, ворвался фельдмаршал граф Карл Густав Дюкер.

Старый каролинец, герой сотен битв, раненый под Полтавой и Штральзундом, выглядел страшно. Его знаменитый синий мундир был разорван на плече, обнажая наскоро перевязанную, сочащуюся кровью рану. Лицо, исполосованное старыми шрамами, почернело от пороховой гари, седые волосы выбились из-под сбитой треуголки.

Дюкер с ходу оценил мизансцену: сгорбленного короля, перо, пергамент и спокойного русского князя. Из груди фельдмаршала вырвался хриплый звериный рык. Прежде чем охрана успела перехватить его, старик сделал три невероятно быстрых прыжка, преодолев расстояние до центра зала. Гренадеры лязгнули затворами фузей, но Дюкер не обращал внимания на оружие. Он с размаху ударил тяжелым сапогом с медной шпорой по изящной ножке ломберного столика.

Дерево жалобно хрустнуло. Столик подлетел вверх, переворачиваясь. Серебряная чернильница описала в воздухе дугу, щедро брызнув густыми черными каплями на лицо Фредрика, на платье королевы и на сапоги Бориса. Акт отречения заскользил по полу.

— Не смей! — проревел Дюкер так, что задрожали хрустальные подвески на люстрах. Он навис над испуганным

Фредриком, тяжело дыша, брызгая слюной. — Вы не отдадите им Швецию росчерком пера! Только через мою кровь! Карл Двенадцатый смотрит на вас, трус! Валгаллы на вас нет!

— Взять его, — тихо, даже не повысив голоса, скомандовал князь Саксонский.

Четверо преображенцев вмиг скрутили яростно отбивающегося фельдмаршала. Дюкер хрипел, сыпал проклятиями, пытаясь вырваться из стальных рук гвардейцев, но его прижали к стене, приставив к груди холодное лезвие штыка. Борис достал кружевной платок и брезгливо стер каплю чернил с обшлага своего кафтана.

— Какая экспрессия, — холодно процедил он. — Жаль, что ваша храбрость, господин фельдмаршал, проснулась только сейчас, а не две недели назад под Уппсалой. Там же перемололи ваши полки, который вы так бессмысленно посылали, словно бы подыгрывая нам, в порядке очереди на разгром. Поднимите стол. Имейте честь проигрывать.

Гвардейцы быстро поставили искалеченный столик на место, водрузив сверху пергамент. Бумага чудом осталась чистой. Другой гвардеец молча, с пугающей расторопностью, подал новую чернильницу из походного набора и свежее перо.

Драма была окончена. Высшая точка сопротивления разбилась о безжалостную дисциплину победителей. Дюкер, глядя на это из-под штыков, вдруг перестал вырываться. Он обмяк, и из его единственного зрячего глаза по пороховой

копоты покатила блестящая дорожка слезы.

Фредрик I был полностью сломлен. Истерика Дюкера высосала из него остатки воли. Король взял новое перо. Его плечи тряслись в беззвучных рыданиях. Крупные слезы капали из его глаз прямо на сукно стола, смешиваясь со свежими чернильными пятнами. Он прижал перо к бумаге и торопливо, коряво вывел: «*Fredrik RS*».

Раздался сухой, царапающий звук.

Ульрика Элеонора смотрела на подпись мужа. Ее спина оставалась такой же прямой, но нижняя губа предательски дрогнула. Она медленно закрыла глаза, и из-под ее густых ресниц выкатились две тяжелые, горькие капли. Она плакала не о муже, которого никогда по-настоящему не любила. Она оплакивала империю, великую Швецию, погибшую в этот промозглый зимний день под скрип гусяного пера.

Борис Саксонский подождал ровно минуту. Затем он аккуратно взял документ за края, подул на влажные чернила и свернул пергамент.

— Мудрое решение, Ваше Величество, — негромко произнес русский посланник, и в тишине зала его голос прозвучал как удар колокола. — История не забудет вашей жертвы во имя сохранения нации. А теперь... попрошу вас освободить дворец. К вечеру здесь будут расквартированы офицеры Ингерманландского полка.

Французский посол Кастежа в тени гобелена бесшумно перевел дыхание. Карты Европы только что перетасовали, и

kozyри оказались в руках Петербурга.

Копенгаген

17 марта 1725 года

Король Датского королевства Фредерик IV ходил из угла в угол просторного кабинета, где он обычно давал аудиенции наиболее важным сановникам Датского королевства и редко — иностранным послам.

Однако Алексей Петрович Бестужев, на днях прибывший в Копенгаген в качестве полномочного посла и представителя российского императора Петра Великого, был как раз тем редким гостем, полный официоз с которым был даже невыгоден датскому королю.

— Господин посланник, Биезстужев! Это триумф! Передайте моему брату, императору Петру, мои самые горячие поздравления! Мориц Саксонский совершил чудо! И не скажешь, что он сын Августа Польского. Как верный союзник, Дания не может остаться в стороне. Я уже отдал приказ. Шесть полков датской инфантерии и кавалерия готовы пересечь Эресунн и высадиться в Сконе. Мы поможем вам добить шведскую гадину и обеспечим порядок на юге их страны! — распыхался шведский король.

Алексей Петрович — прирожденный дипломат. Хитрец, каких еще поискать, под стать своему начальнику, Андрею Ивановичу Остерману. И король этого не понял, так что сильно расслабился.

Фредерик IV, по его мнению, не беспочвенно рассчитывал на то, что Сконе, как он считал, исконная территория Дании, теперь-то уж точно войдёт в состав Датского королевства.

— Я рад приветствовать полномочного посла моего брата, верного союзника Датского королевства, русского императора, — сказал датский король, в какой-то момент остановившись и впялив взгляд в стоящего безмятежного Алексея Петровича Бестужева.

— Мой император ценит дружбу с Данией и будет весьма удовлетворён тем, что наши недоразумения, связанные с Гольштейном, Датское королевство посчитало несущественными, — сказал Бестужев.

Датский король проглотил ком в горле. Действительно, то, что сейчас русские драгунские полки, по сути, и удерживают власть в Гольштинии, — это та оскомина, которая не давала спокойно спать всей датской элите.

В конце концов, с этим герцогством есть очень серьёзный спор, решить который было весьма просто, когда маленькое Гольштинское герцогство было практически один на один с Данией, но теперь есть немало вопросов, когда оно стало, по сути, вассалом Российской империи.

Что на её южных рубежах русские войска триколором. И уже были подписаны тайные соглашения между Данией и Англией, что датчане беспрепятственно пропустят английские корабли в Балтийское море.

— Господин посол, вы же прекрасно понимаете, что мы

можем подписать все объявленные вещи, союзный договор с Россией, но, конечно же, Шлезвиг остаётся у Дании. С другой стороны, вы не можете не понимать, что они имеют свои счёты со Швецией и незамедлительно готовят полки для того, чтобы занять Сконе.

Король подошёл к большой карте, разложенной на изящном, во французской манере, столе. Он мысленно облизнулся на те южные шведские территории, которые так давно хотели взять под контроль датчане. И участие Дании в Северной войне, позорное краткосрочное участие, было призвано лишь только содействовать подобному.

Теперь же датский король вспомнил, что он вроде бы как и подписывал союзное соглашение, хотя скорее это был не договор на бумаге, а устные договорённости.

— Я думаю, господин посол, что нам пора бы очертить линии, на которых остановится русская армия, а где будут датские войска, — скороговоркой, словно бы вопрос уже обсуждался не один час, сказал датский король.

Он улыбнулся Бестужеву. Показал на бокал вина, стоящий на небольшом изящном круглом столике на тонких гнутых ножках.

— Ваше Величество. Мой Император безмерно ценит вашу союзническую готовность, — голос Бестужева елеинный, но глаза ледяные.

Король остановился, сморщился. Еще бы руками замахал, умоляя не говорить неприятные вещи.

— Однако вынужден вас расстроить. Приказы вашим полкам придется отменить, – словно между делом сказал Бестужев.

Фредерик IV остановился. Он недоуменно посмотрел на своего собеседника:

— Что вы сказали? Мне не послышалось, что вы мне посмели указывать?

— Нисколько, ваше величество. Но в рамках союзнических отношений, вы же не можете начать войну с Россией. А все шведские земли нынче – русские, пока не будет приняты иные решения. И мы справимся с контролем этих территорий.

— Нагло... – сказал опешивший Фредерик.

— Государь Император Петр Алексеевич повелел передать следующее. Швеция более не является врагом Российской империи. Согласно подписанному акту...

— Вы успели уже что-то подписать? – недоуменно спросил король.

— Разве же есть у Швеции варианты не сделать этого? Акт подобный – это же подарок от России побежденному. Но позвольте зачитаю далее...

Фредерик манерно махнул рукой. Он решил словно бы начать сначала разговор.

— А чего же вы не угощаетесь? Поверьте, вино вполне сносное. Не думаю, что в России вы сможете насладиться вкусом настоящего вина, — сказал король.

— Не знал, что в Дании растут замечательные виноградники, которые могут давать великолепное вино, — щёлкнул по носу короля Бестужев.

Фредерику Четвёртому, конечно же, это не понравилось. Он вовсе считал, что, если принимает в этом своём кабинете, доступ к которому имеет крайне ограниченный круг лиц, русского посла, то уже Бестужев должен быть невероятно счастлив. Но видел, что это не совсем так.

Фредерик Четвёртый напрягся. Не то чтобы он был изощрённым дипломатом, для этих нужд тут не хватало людей, которых и нужно было скорее привлекать к разговору с Бестужевым, но Фредерик IV хотел сам оказаться тем человеком, который получит свою порцию героизма от общественности, когда решит территориальные вопросы Дании. Но, по всей видимости, не так всё просто.

— Итак, господин, мы собираемся с вами чертить линии? — уже несколько теряя терпение, сказал датский король.

— Нет, Ваше Величество, линии чертить мы не будем. Его Императорское Величество Пётр Великий передаёт вам своё послание, которое, если вы позволите, прямо сейчас зачитаю.

Напряжение в кабинете стало практически осязаемым. Догадки датского короля, его страхи, по всей видимости, оправдывались.

— Шведское государство находится под личным протекторатом Российской Империи. Любое иностранное вторже-

ние на территорию Швеции, — Бестужев замолчал, глядя прямо в глаза датскому королю, выдержал паузу и, когда датский король уже набирал воздух, чтобы выдать тираду, продолжил: — Будет расцениваться Петербургом как объявление войны России».

У короля Дании, казалось, что отвалиться челюсть, так он разинул рот в безмолвном возмущении. Немая сцена.

После того как Бестужев прочитал послание русского императора, настроение Фредерика IV резко изменилось. Его только что ещё бывшее добродушным, даже заискивающим лицо исходило гримасой злости.

— Россия по отношению к Дании ведёт себя не как союзница. Боюсь, как бы мой венценосный брат, русский император, не совершил очень большую ошибку, — решительно, смотря на Бестужева уже чуть ли не как на врага, сказал датский король.

— Ваше Величество, но мы же не хотим конфронтации. И Дания уже сделала недружественный шаг по отношению к Российской империи, — чётко, не показывая того, что на самом деле он действительно переживает, сказал Бестужев.

Да, политика, которую проводит русский император сейчас, по сути, политика несоглашательства, чуть ли не конфронтации с северными странами, претила вице-канцлеру.

Он спал и видел Россию как союзницу Англии, да и явно не находящуюся в конфликте со Швецией. Южные дела Алексея Петровича волновали в меньшей степени, чем север

Европы.

Однако он ничего не мог с этим поделать и понимал, что не попал под колесо репрессий, которые развернулись год назад, лишь только по одной причине: смог вовремя уловить текущий момент и изменения в характере и политике Петра Алексеевича.

Пауза затягивалась. Датский король думал о том, что может быть известно русским. И приходил к выводу, даже не используя знания своих советников, что русские знают о тайных договорённостях Дании и Англии, которые случились буквально этой зимой.

Датский король поморщился. Конечно, ему не нравилось находиться между двух огней, а порой даже и посередине бушующего пламени вокруг. Порой он даже проклинал то географическое положение Дании, которое сложилось.

Датские проливы — это ведь ничто иное, как ворота, или даже точнее сказать, калитка в Балтийское море. И выходило таким образом, что Дания словно бы швейцар, лакей, который должен либо открывать эту калитку кому-то, либо её закрывать.

И если уж идёт такая европейская конфронтация, причиной которой является активность России, то кому эту калитку ни открой или же кому её ни закрой, всё равно Дания в проигрыше.

— Датское королевство — суверенное государство, и мы придерживаемся тех принципов, что вход в Балтийское море

не должен быть закрыт ни для кого, — после долгой паузы сказал датский король.

— Мой император услышал вас. И я уверен, что он посчитает это недружественным шагом по отношению к России. С другой же стороны, русский флот может подойти к датским проливам и совместно с датским флотом не пустить в Балтийское море английский.

— Это слишком опасное решение, чтобы его принимать здесь и сейчас, — начал открещиваться Фредерик.

Он уже решил, что переадресует русского посла своим сановникам, чтобы те, как они это умеют делать, кружили русского дипломата так можно дольше.

— Но... Сконе! Это наши исконные земли! Петр обещал... — словно бы голосом обиженного ребенка сказал король.

— Государь-император Петр Алексеевич обещал, что Дания не будет атакована шведами. Мы это обещание сдержали. Балтийское море, Ваше Величество, отныне — внутреннее озеро Российской Империи. Но мы и морем делиться можем. Мы, Россия, уже поймала этого волка. Не нужно пытаться отрезать от него куски, пока наш сапог стоит на его горле. Охота окончена, — сказал русский посол.

— Это давление на меня. Напомнить, что Дания может сделать с русским флотом? Запереть его?

— И Россия уже учитывает это, начиная разрабатывать альтернативу. Мы станем проводить свои корабли по Гольштинии. И реки там есть и ресурсы для каналов найдутся.

Дорого, непрактично. Но Дания никогда больше не станет угрожать России. Ну а когда еще и вопрос Шлезвига...

— Молчать! — закричал король.

Да так, что в дверь вломились два дюжих гренадера. Фредрик Четвертый махнул им рукой, повелевая скрыться.

— Ваше Величество, мой император просит скорого ответа. До того, как начнётся полноценная навигация в Балтийском море. Если ответа не последует от вас, мы будем вынуждены искать его в других местах. Но не считите за дерзость, ибо я лишь только озвучиваю очевидное, но вопрос со Шлезвигом пока ещё открытый.

— Вы угрожаете мне войной?

— Она возможна. Но Россия предпочитает мирное соглашение. И даже союз. Вам останется Шлезвиг, но вы не вмешиваетесь в дела Швеции и пропускаете русские торговые и военные корабли без каких-либо препятствий, досмотров. Балтийское море объявляется внутренним морем Дании, России и Пруссии.

Король впился вновь, но уже не таким злобным взглядом в Бестужева.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

Бестужев ушел, а датский король так и остался стоять над картой, осознавая, что эпоха европейского баланса сил только что рухнула, и над севером Европы... а вот тут было и не понять. То ли взошло солнце русское; то ли, напротив, наступает крошечная тьма... тоже русская.

От автора:

Спасти плавучий госпиталь и линкор "Императрица Мария" Севастополь 1916 <https://author.today/work/596526>

Глава 6

Петербург

26 марта 1726 года

Казалось, что все говорят только об одном – о русских победах. В какой-то момент я даже подумал, что под такой шум можно было скрыть хоть бы и экономическую катастрофу. Недаром в будущем, как только в мире наступает финансовый, перепроизводства, в целом экономический кризис, тут же начинаются войны. И уже не так важно, что зарплаты не растут, продукты дорожают. А если еще эффект военных побед усиливать пропагандой...

Безусловно, из недавних русских побед следовало извлечь максимальную политическую пользу. Прямо сейчас я сидел за массивным столом, вчитываясь в гранки свежего выпуска «Петербургских ведомостей» и черновые статьи нового журнала «Россия сегодня». Через прессу нужно выстраивать идеологическую парадигму

Перьевая ручка с раздражающим скрипом черкало по плотной бумаге. Есть у меня шариковая, считай, что в единичном экземпляре. Очень сложная работа ювелиров, еще и чернила крайне сложно подобрать. Приходится менять стержни, стеклянные. Полимеров не имеем. И пока не будут окончательно решены эти технологичные вопросы, за-

пускать в производство не буду. Хотя стоило бы штук десять сделать. Так, на подарки венценосным братьям.

Я читал и откровенно переписывал целые абзацы. Автор, Антиох Дмитриевич Кантемир, уловил общий посыл, который должен был звучать в этих текстах, но мне этого было решительно мало. Удивительное дело: в беседах между собой люди изъясняются куда более живым и сильным языком, а как доходит до бумаги — словно стесняются собственных мыслей, пряча их за сухой казенщиной.

— Нет, это никуда не годится! — в сердцах бросил я, отбрасывая измочаленное металлическое перо.

Я начинал изрядно нервничать. Время — невосполнимый ресурс, я должен был лишь пробежаться глазами по готовому тексту, похвалить авторов и дать добро в печать. А вместо этого я вынужден перекраивать всё едва ли не с чистого листа.

— Антиох Дмитриевич, — я тяжело посмотрел на стоящего напротив молодого человека. Так уж вышло, что теперь он приходился мне родственником — родным братом моей супруги. — Эти статьи должны объединять русских людей. Причем так, чтобы каждый крестьянин, услышав это, расправил плечи и гордился тем, что он живет именно в России!

— Ваше величество? Крестьянин? — казалось глаза молдаванина с греческими корнями вывалятся от удивления.

— Да, и мещанин, и купец, ремесленник...

Антиох, одетый по последней европейской моде, чертов-

ски щеголеватый, но несомненно обладающий острым умом, скептически изогнул бровь:

— Но как же крестьянин прочтет всё это, ежели он в большинстве своем безграмотный? — вопрос прозвучал вполне резонно.

— Во-первых, Антиох, вспомни, о чем я говорил ранее. До каждого, абсолютно до каждого русского человека должен быть донесен весь тот героизм и та немеркнущая слава нашего оружия, что прогремела нынче в Северной Европе. Если статью и не прочтут сами, то грамотные зачитают ее вслух, и слова эти будут передавать из уст в уста! Но лишь в том случае, если написано будет так, чтобы врезалось в сердца каленым железом, чтобы кровь закипала... Впрочем, не мне учить тебя образам и метафорам, которые ты мог бы использовать в послании всему народу.

Я вздохнул, окинув взглядом свой кабинет, заваленный набросками статей и эскизами гравюр для обложек.

— Подумай вот о чем, Антиох. Наследник российского престола, Петр Алексеевич, будет обучаться у тебя самое большее еще три года. Затем я намерен отправить его в университет. Ты продолжишь преподавать и там, но уже не будешь единственным наставником. Дочерей моих ты тоже еще поучишь какое-то время. Но тебе необходимо свое дело. Ремесло, которое будет кормить тебя и в полной мере раскроет все твои таланты. Помогай сестре — моей супруге. Возьми на себя публицистику, газеты, журналы. Печатное

слово — это оружие. Почему я должен тратить свои часы на всю эту редактуру?

В воздухе повисла напряженная пауза. Меня не покидало гнетущее ощущение, что мы катастрофически не успеваем за информационной повесткой. События уже свершились. Вся Европа уже знает, что в Стокгольме стоят русские полки, и что наша дипломатическая миссия, опираясь на русские штыки, прямо сейчас диктует шведам откровенно унижительное мирное соглашение. А мы всё еще возимся с черновиками.

— Не забывай, что церковники работают. И они вложат в умы прихожан то, что мне нужно. А возьмут они эти слова не только в Библии, но и в газетах, — сказал я.

Русская Православная церковь все больше становится опорой моей власти и в целом империи. И если крестьянин не умеет читать, да и с трудом понимает вовсе, что произошло и кто кого побил, то священник растолкует. Еще бы настоятели храмов были грамотными и образованными.

— Никто в Петербурге толком и не знает, чего именно мы требуем от шведов. И нельзя упускать это бурление в обществе! — я в сердцах ударил ладонью по столу, заставив чернильницу звякнуть. — Народ сейчас разогрет, они рассчитывают, что мы полностью сотрем шведское королевство с лица земли, раздавим их окончательно. Если мы промолчим, то вместо того, чтобы власть уважали, почитали и боготворили за победу, мы добьемся обратного: нас обвинят в ма-

лодушии. В недостаточной жестокости по отношению к поверженному врагу! Вот для чего все эти статьи должны были выйти еще вчера! В крайнем случае — завтра утром, но никак не позже!

С этими словами я всучил Антиоху шесть листов плотной бумаги, густо испещренных моими пометками, гневными зачеркиваниями и наскоро вписанными абзацами. Молодой князь принял их с почтительным, но слегка растерянным поклоном.

В этот самый момент тяжелые дубовые двери кабинета приоткрылись, и на пороге появилась моя любимая супруга. Мария.

Я знаю, что в обыденной жизни многие мужья прибавляют к слову «жена» эпитет «любимая» просто по привычке. Потому что так принято, ради приличия, или банально для того, чтобы супруга меньше расстраивалась и не пилила мозг.

Но, глядя на нее сейчас, я ловил себя на мысли, что у меня всё совершенно иначе. Наверное, для этого действительно нужно было начать жить вторую жизнь, нести за плечами тяжелый багаж знаний и ошибок двух разных людей, чтобы осознать подлинную ценность этого чувства.

Я искренне любил Машу. И теперь, глядя на ее точный, греческий профиль, я решительно не понимал, почему мой предшественник, мой исторический «реципиент», в свое время так жестоко с ней обошелся. Словно это было какое-то дурное наваждение, пьяный морок с его стороны.

Сейчас же никаких противоречий с остаточными осколками личности Петра Великого не возникало: мы оба, слитые в одном разуме, любили одну и ту же женщину.

Мария перехватила брата у самых дверей.

— Не позорь фамилию нашу, — хлестким, змеиным шепотом осадила она Антиоха, пока тот пытался незаметно спрятать исчирканные листы. — Говорила же тебе: сперва обращайся ко мне, не неси государю недоработку!

Она сказала это тихо, но хорошая акустика кабинета и, возможно, ее собственный тонкий расчет позволили мне услышать каждое слово.

Я мысленно улыбнулся, пряча усмешку. Похоже, и Антиох, и сама Маша отлично усвоили мои недавние уроки.

Дело в том, что почти сразу после нашей свадьбы славное семейство Кантемир решило, будто отныне они схватили Бога за бороду и неподсудны даже императорскому суду. Маша-то держалась с достоинством, а вот Антиох попытался примерить на себя расшитый золотом камзол всесильного фаворита при моей персоне.

Все же это место при мне пустое, и в понимании людей, фаворит должен быть. А я, да и все мои предшественники, имели фаворитов. Или бояре Морозов, Матвеев, Васька Голицын, Меншиков... А теперь и никого, кто бы выделялся. И не нужно.

И я прекрасно знал, откуда дует ветер: это была вовсе не его инициатива. Стоило Кантемирам возвыситься, через на-

шу с Машей женитьбу, как из всех щелей вдруг полезли многочисленные «родственники». Пока Кантемиры были в опале, они никому не сдались, а теперь — распишитесь в получении целого табора любящей родни, жаждущей чинов, влияния и поместий. Ну не молдаване или греки, а как цыгане, ей богу. Табор.

Разумеется, вся эта нахлынувшая молдавская свита тут же попала под невидимый колпак Тайной канцелярии. И нет, я запретил хватать их посреди ночи и тащить в пыточные подвалы. Я долго и упорно учил своих ищеек работать иначе, использовать тонкие методы, где дыба — лишь крайняя мера, а основным элементом доказательной базы становится ювелирно добытая информация.

Я заставлял их учиться настоящей тайной агентурной работе: перлюстрации писем, подкупу слуг, скрытому наблюдению. Так, чтобы объект, на которого собирают убийственный компромат, до самой последней секунды даже не догадывался о нависшей над ним тени.

В итоге, собрав пухлые папки донесений, мы без лишнего шума и показательных казней просто отправили самую наглую часть этих новоявленных «родственничков» восвояси, подальше от столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.